

Дмитрий ЗОЛОТУХИН:

«Я РЕШИЛ СНЯТЬ ФИЛЬМ ПО ЛЮБВИ»

Экран и сцена - 1995 - 8-15 июня - с. 15
Фильм Дмитрия Золотухина «Зона Любэ» постепенно выбивается в хиты. Он участвовал в конкурсе «Созвездия-95», а сейчас выходит на старт конкурса Открытого Российского кинофестиваля. В «ЭС» № 16—17, 1995 мы опубликовали рецензию на фильм. В этом номере — беседа с режиссером, мнение «от первого лица».

В судьбах актеров есть роли, которые становятся визитной карточкой на всю жизнь. Сколько лет прошло, как Сергей Герасимов снял фильм по роману Алексея Толстого «Петр I», но с тех пор Дмитрия Золотухина знают по главной роли в этом фильме.

— Петр стал первой моей ролью в кино — тяжелым испытанием для здоровья и психики. Сергей Аполлинарьевич оказал мне большую честь, доверив эту работу. А выход фильма изменил всю жизнь: после мне пришлось переиграть множество исторических персонажей.

Приятно, что и сегодня ТВ часто показывает «Россию молодую», другую мою картину, где я тоже сыграл Петра. Забавно, что это, как правило, происходит в связи с какими-то большими политическими событиями — реформами, выборами. Может, кто-то из руководства отождествляет себя с Петром?

— Как думаете, везло России на «царей» после Петра I?

— Я не монархист, цари, князья да бояре меня занимают мало. Но уверен, что Петра невозможно ни с кем сопоставить. По масштабу содеянного к нему приближается, пожалуй, лишь Ленин.

Что же касается нынешних вождей, то мне не хватает информации, чтобы объективно оценивать эти политические фигуры. Как человек искусства, опираюсь на свои ощущения и понимаю, что необходимость в лидере, равном Петру, есть. Необходимость не только в искусном политике, но человеке магнетической силы, который будет говорить людям простые вещи и вызывать веру. Мы ведь не только слушаем, но и смотрим на тех, кто к нам обращается. Если опереточный персонаж изрекает даже правильные вещи, это его не спасает в наших глазах.

Чаще же сегодня наблюдаю игру тщеславия. Человек говорит о России, а на самом деле у него на лице написано, что он — честолюбец, которого главным образом заботит собственная персона.

— Когда актер-неудачник становится режиссером, понятно, что таким образом он пытается себя реализовать! А во имя чего пришли в режиссуру вы?

— В вас сейчас говорит чисто российское восприятие режиссера, как крупной фигуры мессианско-пророческого толка. А в американском кино, напротив, актер — царь и бог.

Что же до меня, то когда пошел во ВГИК учиться в режиссерской мастерской Герасимова, не все сформулировал головой. Просто с детства, хоть родом я и из театральной семьи, кино для меня было самой глубокой привязанностью. Но у нас быть актером кино не значит быть в кино. Даже если ты востребован, тебя снимают, остаешься приглашенной фигурой. Режиссура для меня не властолюбивый поиск, переход к мегафону и команде «Мотор!», а скорее возможность почувствовать себя плоть от плоти кинематографа.

— Нет такого молодого режиссера, которого бы не привлекали лавры Тарковского. Почему вы пошли совершенно иной дорогой, дебютировав музыкальным фильмом «Зона Любэ»?

— Если говорить о сегодняшней моде в молодом кино, то не все сводится к Тарковскому. Сейчас, к примеру, не услышишь с экрана: «Я тебя люблю!» Сказал об этом прямо, и ты очень уязвим. Такие слова говорятся с иронией. Вроде бы и высказался, а в то же время «стебался». Я не против этого. Просто для себя избран иной путь и рискнул снять фильм по любви к музыке и песням.

«Зона Любэ» — попытка сделать клип полнометражным, хотя это миниатюрное искусство. Но миниатюра, как бы хороша она ни была, имеет свой очень ограниченный диапазон воздействия на зрителя. Увидел клип, ахнул: «Клево!» и забыл через минуту. В кино «полный метр» дает гипотетическую возможность более глубокого впечатления, сильного воздействия. Хотя, не скрою, разговор с композитором и продюсером группы «Любэ» Игорем Матвиенко сначала шел о клипах.

Но песни оказались взаимосвязанными — темой, драматизмом, тональностью. Так возникла эта история, довольно рискованная, но поэтическая по подходу. И пусть эта поэзия кому-то не нравится, пусть она трижды «любэшная» — прямолинейная, лобовая — все равно это поэзия.

— Почему песни «Любэ» ассоциируются у вас в основном с тюремной романтикой?

— Я тоже зритель, у меня есть глаза. Скажи мне: весь полтора-часовой фильм будет происходить в тюрьме, уже не хочу смотреть, даже если он снят хорошим режиссером, и в нем заняты грандиозные актеры.

Старался, как мог, чтобы действие «Зоны Любэ» не было загнано в камеру или за решетку. Да никакого реалистического исследования зоны изначально не предполагалось — в фильме нет ни жаргона, ни тюремного быта. В равной степени не хотелось делать никаких «географических» обобщений типа «Россия — тюрьма».

«Зона Любэ» — драматическая история о разлуке, одиночестве, боли. Каждый персонаж бьется в пространстве своей душевной темницы, жаждет воли, мечтает вырваться на свободу, вернуться к любимому человеку или умереть.

Если вы с удовольствием слушаете «Любэ», то согласитесь, что это не блатная музыка — та вообще другая по эмоциям, стилю, сантиментам. «Любэ» — глубже, серьезнее, на сегодняшний день это пик их работы. Может быть, не шлягерный пик, не бомбовый удар энергетического воздействия, с которого они начинали, а эксперимент в области драматической лирики, присущей Игорю Матвиенко — человеку верующему, странному, ко-

торому повезло встретиться с таким мощным проводником своих идей, как солист группы Николай Расторгуев.

— Как вообще складывались ваши взаимоотношения с актерами, сыгравшими в фильме?

— Я сам артист и понимаю, что момент необходимости актера, любовь к нему — едва ли не главное в работе. В кино актер приходит отдавать. Нечто новое, неожиданное, как правило, возникает редко. Поэтому на съемочной площадке его должен окружать особый микроклимат, ведь с ним в картину входит очень многое.

Счастлив, что Алексей Серебряков согласился сыграть у меня в эпизоде. Всеми способами обольщал Ирину Розанову, чтобы снялась в роли без слов.

Марина Левтова должна была сыграть журналистку в одной новелле, а стала сквозным персонажем, взвалив на себя драматургически неблагодарную задачу соединить почти несоединимое. Мне кажется, ее ждет потрясающая судьба, потому что Марина верна своим музам. Она человек, преданный делу, сохранивший призвание актерской профессии, не разбрасывающийся. Верю, что удача улыбается таким людям. Ведь мы живем во времена, когда вынуждены, ради денег, постоянно изменять делу, для которого созданы, «заточены».

— Кто научил вас любви к актеру?

— В моей актерской жизни было две встречи с режиссерами, обожавшими актеров. Это Сергей Герасимов и Никита Михалков, у которого я снялся в фильме «Очи черные».

Когда впервые переступил порог съемочной группы Михалкова, тот, хотите верить, хотите нет, встретил меня так, как будто ждал всю жизнь, — не наигранно, а удивительно искренне. Что греха таить, попасть в орбиту режиссерской любви для актера — все. Я много снимался, и очень часто чувствовал себя последним человеком на съемочной площадке. У Михалкова артистов хранят, берегут, и они проявляются в его картинах так, как нигде и никогда. У него редкий дар творить на съемочной площадке. Для многих съемки — наказание, монтажный стол радует, замысел, придумки. А Михалков, приходя туда, где царит производственное безумие, остается художником. Для меня фильм рождается на съемочной площадке, его нельзя умозрительно склеить. Если во время съемок что-то возникает, то магическим образом переходит на целлулоид.

— Как обстоит дело с прокатом «Зоны Любэ»?

— Им занимается кинокомпания «Мост-Медиа». Был в залах, видел, что зрители с фильма не уходят. В Нижнем Новгороде, к примеру, на дневной сеанс собралось более пятисот человек. Приятно, что радиостанция «Европа Плюс» поставила картину на первое место в десятке лучших отечественных. А Артем Троицкий возил эпизод в женской колонии с песней «Наяривай!» во Францию на конкурс клипов, где он соревновался в четырех номинациях.

— Что собираетесь снимать?

— Я человек суеверный, боюсь сглазить, скажу только, что не музыкальный фильм.

Беседа вела Марина ПОРК.